

ЧЕМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

Самоволка... Армейское это слово, кажется, не прочь представиться разбитным, чуть пренебрежительным, безоглядным. Но таится в его видимой легкости некое горькое лукавство, даже яд, тем более губительный, чем неотвратимее проглянет в беспечной «самовольной отлучке» беспробудная тень того, кто зовется чуждым природному русскому слуху и отчуждающим, точно название стыдной болезни, позорным словом **дезертир**.

«Если б не война, если б не она, проклятая, — оправдывался он, — так бы и жил я, так бы и работал. Какие мои годы: тридцать лет — полжизни еще не заступило. Полжизни не заступило, а уж все, конечно. Да почему ж на меня-то? — сколько народу в мире... Чем я провинился перед судьбой, что она так со мной, чем?»

Наверное, можно было бы остановить внимание и еще на каких-то других «услышанных» писателем мыслях Андрея Гуськова, самовольно отправившегося осенью 1944 года после новосибирского госпиталя не обратно на фронт, как послали, а к дому, к приангарской Атамановке... Повесть Валентина Распутина «Живи и помни», из которой мы узнали о дезертире, о его отце, матери, о жене его Настене и об их односельчанах, не принадлежит к произведениям, откуда просто в один присест выписать цитату-другую, чтоб разом выразить, как говорится, основной смысл повествования, конечный вывод из него. Самого слова «дезертир» произнести в повести некому: и власти, и односельчане числят покамест Андрея пропавшим без вести (ибо не пойман — не вор), но и говорить нечего, что, разумеется, к дезертирству из Советской Армии, да еще с Отечественной войны, автор относится недвузначно, с безоговорочным осуждением и что это не только не затрудняет, но как раз и определяет его успех в раскрытии внутреннего мира Гуськова. Но такой — и впрямь ведь конеч-

ный — вывод из рассказанной В. Распутиным истории, вывод естественный и для всех нас неоспоримый, сам-то по себе не исчерпывает всего богатства идей, составляющих содержание подлинно реалистического произведения искусства. В. И. Ленин недаром любил повторять строки из гетевского «Фауста»: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни»... Оттого-то, наверное, всегда был смысл и повествовать о жизни, и всегда есть смысл в эти повествования вчитываться, даже в страницы, где, кажется, не сформулирована конечная «мораль», а пожалуй, что именно в них-то более всего.

Вот хоть бы и в приведенную цитату из повести «Живи и помни».

Как мало еще понял тут о себе Гуськов! И до чего же многое объяснено здесь его создателем в неразрывном единстве психологического и социального исследования жизни.

Скажу сразу о самом, моем, главным: успешно осуществив свой замысел побега, надежно укрывшись, обезопасившись, обеспечившись всем необходимым, Андрей ощущает себя, однако, невольным страдальцем, безвинной жертвой слепого, случайного выбора **судьбы**. Отчего бы это?

Конечно, и перед самим собой признается он здесь далеко не во всем, что о себе знает. Во всех этих заклинаниях очевидна самоуспокоительная ложь — попытка заглушить, заговорить, заслонить оправданием то, чего не оправдать ничем. Жена Гуськова, Настена, на которую в глубине души больше всего надеялся он как на помощника и опору и в ком с лихвой не ошибся (не она ли одна чутьем, чудом каким-то сразу угадала его внезапное возвращение!), едва опаматовавшись, позвала робко, но и убежденно к древнему, обычаям освященному и единственному реальному выходу для таких, как он, — **покаяться и искупить**, выйти снова к людям, в мир,

в жизнь, хоть, может, и на смерть или смертную категорию. И Настена-то готова разделить с ним это искупление... Но Гуськов противится этому единственному, что ему осталось, противится сперва слепо, с бычьим упрямством, а потом, как видим, и с помощью обвинений судьбы — увя, тоже освященных вековой традицией. Логике людской жизни подменяет софистика существования, где «жив человек» низводится просто до **живого**: не для того, мол, от смерти бежал, чтобы добровольно на смерть выйти!..

Но есть в заклинаниях Гуськова еще и горькая правда, может быть, самая горькая изо всего, что рассказал нам писатель о Гуськове. Самовольный, вполне, как говорит, сознательный его поступок ощущается бегльцом точно невольный оттого еще, что и впрямь ведь не было в этом поступке весомого, подлинно человеческого содержания: ни выбора пути, ни сознания смысла совершаемого, ни твердого, волевого решения. «Детали»-то были продуманы, и зимовье Андреевское на том берегу Ангары облюбовано загодя, а вот о главном не думал, не помнил, точно и не знал, не ведал.

Отдыхавшись и оглянувшись вокруг, Гуськов окончательно ощутил безысходность своего шага за черту и твердо решил держаться известного людям — остаться для всех, кроме Настены, «пропавшим без вести». Решение это принято теперь не просто обдуманно, а и взамен того единственного выхода, который предлагала жена и знал сам: вроде бы той же ценой **страдания** расплатится беглец с совестью и с людьми, добровольно-де обрекаясь на вечное изгнание, приговаривая себя к гражданской смерти. Что же, скажем теперь: опомнился, образумился, осознал? Нет, художественная правда повести В. Распутина не оставляет нам и этой иллюзии. Ведь справедливость возмездия, кары, наказания начисто отрицается на этом дальней-

шем пути отступничества, позора, каким навсегда покрыл свое имя в людской молве и памяти Андрей Гуськов.

Да, решив теперь «пропасть без вести», Гуськов высказывает некие нравственные убеждения, бывшие прежде словно под спудом. Сознание «бесправия» своего теперь неразрывно в нем с сознанием собственной **неправоты**, которое тщетно в себе глушит. Но убеждения эти, хоть сами по себе и верные, теперь, пожалуй, не менее, а может, и более опасны, чем была беспаматность. Заговори они в Андрее прежде, не надо было бы ему теперь заговаривать ими себя или, напротив, впадать в истерию самоунижения... Теперь же, оставаясь, по сути, лишь в словесности, в потоке заклинаний и оправданий, мораль обретает гнусный оттенок фарисейства, ханжества, скользкой софистики: умереть для всех, чтобы в живых остаться... А по правде-то надо ему не только вспомнить заветы отцов, но принять их именно как противное всему его существованию отступника. И, приняв, исполнить. В силах ли он сделать это?

Не зная Андрея Гуськова, по одному лишь приведенному мною вначале отрывку из его внутреннего монолога легко представить себе фигуру тщедушную, болезненную, хилую... Дребезжащие, ноющие, слезливые призвуки чутко слышит писатель в этих самооправдательных заклятиях, нечто старческое, немощное, христианское. Здоровый, хоть и после фронта и ранений, тридцатилетний мужик, сибирская кость, пахарь и охотник, бывалый солдат, прошедший лыжный батальон и разведроту, человек в расцвете сил, психически полноценный, неглупый, грамотный — не чересчур ли жалостлив, не поддельно ли распевет тон его мыслей, не буюкает ли их ритм и мелодия, точно снова на забытые, на беспаматство... Да и жалостливость его, послушать, лишь к себе, лишь для себя.

Между тем жизнь — дело

серьезное и суровое, без подделки. Кто знает, может быть, где-то там, на далеком западе или поближе, на востоке, кто-то погиб из-за солдата Андрея Гуськова, каких-нибудь нескольких месяцев, а то и дней не дотянул до победы оттого, что сосед спрятался, убежал из боя от своей гаубичной батареи. Вполне может быть. Здесь, в Атамановке, на наших глазах погибла Настена, верная и преданная, мать его будущего ребенка, которому уж не быть. Она не говорила о самоубийстве, а вот вдруг покончила с собой и разом со всем, что связывало с мужем, терзало, разрывало сердце. Не из-за него ли утопилась в Ангаре Настена, не его ли спасая от облавы, не за него ли?.. Пропал человек, приняв на себя позор другого; пропал, пока другой честь семьи спасал, пропавшим без вести представлялся, нравственные убеждения выработывал...

Парадокс судьбы Андрея Гуськова, самовольно, одним махом обрубившего все свои связи с миром, будто их и не было, обнаруживается в повести В. Распутина постепенно, исподволь, изнутри, но оттого не менее явственно, освещаясь ярким светом правды о человеке, который стал дезертиром, потому что мог им стать. «Если б не война, если б не она, проклятая...» Но воистину проклятая, столько горя принесшая, столько судеб искалечившая и сломавшая, имеет эта война в памяти народа еще и название Отечественной, Великой Отечественной...

На вопросы, которые смело, сильно, убежденно ставит эта повесть перед читателем-современником, автор ее Валентин Распутин прозревает верный ответ. **Живи**, ибо бытие дано тебе, как всему существу, — камню и воде, траве и дереву, червю и рыбе, птице и зверю... И подобно тому, как помнит себя все и вся вокруг, отвечая своей природе, своему внутреннему предназначению, будь человеком, самой жизнью, каждым шагом осуществляя человеческое свое призвание, тем и помня себя в себе, а значит, и в людях вокруг. «Живи и помни»...

Д. СТАРИКОВ.